
РЕСТАВРАЦИЯ
СЧАСТЬЯ
МОЯ АННЕТТ

Моя Аннетт
Реставрация счастья

https://litres.ru/74928862

Аннотация

Я продавала сказку за пять миллионов рублей. Моя работа — делать так, чтобы на чужих свадьбах не вяли пионы, а невесты верили в «долго и счастливо». Я думала, что моя собственная жизнь — такой же безупречный бизнес-проект: квартира в Сити, статусный жених и планы на будущее. Но однажды ночью мой идеальный мир превратился в тыкву. Жених сбежал с моими деньгами, повесив на меня уголовную статью и долги, а я осталась под ледяным московским дождем с одним чемоданом.

У меня не было плана «Б». Зато была разбитая машина и... он. Глеб. Угрюмый реставратор с руками в масле и взглядом, от которого хочется спрятаться. Он живет в пыльной мастерской в промзоне, ненавидит гламур и называет меня «катастрофой». Теперь мой дом пахнет не дорогим парфюмом, а древесной стружкой и растворителем. Здесь нет места моим амбициям, зато здесь безопасно. Мне нужно вернуть четырнадцать миллионов, не сесть в тюрьму и разобраться, кто я такая без своих дорогих туфель. А еще — постараться не влюбиться в того, кто видел меня на самом дне. Спойлер: с последним пунктом я, кажется, уже облажалась.

Содержание

ГЛАВА 1. Хрустальная туфелька жмет 4
ГЛАВА 2. Запах стружки и кофе 20
ГЛАВА 3. Бартер на выживание 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

ГЛАВА 1. Хрустальная туфелька жмет

Я точно знаю, сколько стоит «долго и счастливо».

В этом сезоне прайс начинался от пяти миллионов рублей. Без учета кейтеринга, флористики и моего гонорара, который, к слову, был неприлично высоким. Но мои невесты платили не за тайминг. Они платили за иллюзию того, что в этом хаотичном мире хоть что-то может быть безупречным.

— Алина, у нас код «Красный»! — в наушнике панически захрипел голос моей ассистентки Леры. — Невеста заперлась в туалете. У неё отвалилась накладная ресница. Она говорит, что это знак свыше и свадьбы не будет.

Я глубоко вздохнула, втягивая носом прохладный, влажный воздух веранды ресторана в Барвихе. Пахло мокрыми соснами, дорогим табаком и легкой истерикой. Обожаю этот запах. Запах чужого невроза, который я умею лечить лучше любого психотерапевта.

— Лера, — мой голос звучал ровно, как поверхность озера в безветренный день. — Возьми мой кейс. Там клей Duo и пинцет. Скажи ей, что ресница отвалилась к деньгам. К очень большим деньгам мужа. И налей ей просекко. Нет, лучше сразу чистый виски. Через три минуты я буду.

Я сбросила вызов и посмотрела на идеальную рассадку гостей. Белые пионы, серебряные приборы, хрусталь, в котором дробились огни гирлянд. Всё было выверено до миллиметра. Моя работа — быть архитектором чужого счастья. Я знаю, как скрыть кривые швы на платье, как усадить разведенных родителей так, чтобы они не убили друг друга вилками, и как создать картинку, от которой будут рыдать подписчики в запрещенной соцсети.

Проблема была в том, что я сама слишком сильно поверила в эту картинку.

Я поправила манжету своего бежевого жакета (бежевый — цвет контроля, цвет «у меня всё под контролем») и бросила быстрый взгляд на телефон. Экран был темным.

Вадим не звонил уже семь часов.

Внутри, где-то в районе солнечного сплетения, заворочался холодный, скользкий ком. Не страх, нет. Скорее, фоновое раздражение. Как будто ты заказала устрицы, а тебе принесли размороженные крабовые палочки.

Вадим сегодня должен был закрыть какую-то «лютую тему» с параллельным импортом запчастей. Или с майнинговыми фермами? Я уже запуталась. Последние полгода его бизнес-словарь состоял из слов «мутка», «выхлоп», «суета» и «сейчас вопросик обкашляем». Он называл это предпринимательством. Я называла это инфантилизмом, который приходилось глушить бокалом Шардоне по вечерам.

Но он обещал.

Обещал, что эта сделка перекроет всё: и кредит за его BMW X6, взятый на мое имя («Алин, ну у тебя кредитная история лучше, это ж формальность!»), и долг моим родителям, и, наконец, мы внесем первый взнос за нашу квартиру. Не ту, которую он снимал в Сити для «статуса» и красивых сторис, а настоящую. В Хамовниках или на Патриках. С высокими потолками и историей.

Я закончила со свадьбой к полуночи. Невеста была счастлива (виски помог), жених не напился до состояния дров (моя заслуга), трехъярусный торт не упал. Я села в свою машину — скромную, но надежную Audi A3, которую купила сама, без всяких «схем», — и поехала домой.

Москва за окном плавилась в дожде. Огни высоток размазывались по стеклу, как акварель. Я любила этот город, но сегодня он казался мне враждебным. Холодным. Щетки стеклоочистителей ритмично отсчитывали секунды моей тревоги. Вжик-вжик. Вжик-вжик.

В квартире в Сити было тихо. Слишком тихо.

Панорамные окна на сорок втором этаже открывали вид на черную бездну города, прошитую венами дорог. Красиво? Безусловно. Уютно? Как в стерильной операционной. Здесь нельзя было просто бросить плед на диван — это нарушало геометрию пространства. Здесь нельзя было ходить в старой

пижаме — окна в пол обязывали соответствовать.

В прихожей я споткнулась о чемодан.

Два огромных чемодана Louis Vuitton. Паль, конечно. Вадим не признавал оригиналы, если можно взять реплику «один в один» на Садоводе. «Зачем переплачивать за бренд, Алин? Это для лохов».

Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле, отдаваясь пульсацией в висках.

— Вадим?

Он был в спальне. Сгребал с полок свои брендовые худи и швырял их в открытое нутро чемодана. На нем была та самая футболка Balenciaga с огромным логотипом, которая меня дико бесила. Он выглядел взмыленным, дерганым. Как человек, который только что пробежал марафон. Или украл миллион.

— О, пришла, — он даже не обернулся. Голос был резким, натянутым, как струна. — Слушай, Алин, тут такое дело. Форс-мажор. Лютый кринж произошел.

Я медленно сняла туфли. Ноги гудели после двенадцати часов на каблуках. Холодный паркет обжег ступни через тонкие колготки.

— Какой форс-мажор, Вадим? Почему чемоданы? Мы летим в отпуск? Ты закрыл сделку?

Он хохотнул. Звук был сухим, неприятным, как треск ломающейся ветки.

— Отпуск... Ага. Почти. Короче, слушай сюда. С запчастями кидалово вышло. Таможня встала, товар конфисковали. Там люди серьезные вложились, понимаешь? Я попал. Конкретно попал. На бабки.

Я подошла ближе. От него пахло дорогим парфюмом Kirke, смешанным с едким потом страха.

— На сколько ты попал? — мой голос дрогнул.

— Не важно, — он отмахнулся, нервно проверяя что-то в телефоне. — Важно, что мне надо исчезнуть. На время. Пока пыль не уляжется. В Дубай сваливаю. Там есть варик пересидеть, темку одну замутить на удаленке с криптой.

— Мы едем в Дубай? — я попыталась уложить это в голове. Моя работа, мои клиенты, брони на полгода вперед...

Вадим наконец поднял на меня глаза. В них не было любви. В них была пустота и какой-то животный, крысиный эгоизм.

— Алин, ты не поняла. Я еду. Один. Билет дорогой, да и... короче, не до тебя сейчас. Там надо налегке. Без прицепа.

Мир качнулся. Стены идеальной квартиры в Сити вдруг стали картонными.

— В смысле — один? Вадим, мы же... А как же деньги? Мои накопления? Четыре миллиона, которые я тебе перевела на «оборот» неделю назад? На квартиру?

Он поморщился, как от зубной боли, и захлопнул чемодан.

— Ой, ну не начинай, а? Не душни. Ну какие четыре миллиона? Прогорели твои миллионы. Это бизнес, детка. Риски. Я же хотел как лучше! Для нас старался! Чтобы ты не горбатилась на своих свадьбах, не ублажала этих истеричек!

— Ты... проиграл мои деньги? — шепот получился сиплым, чужим.

— Не проиграл, а инвестировал! Неудачно! — он вскочил, хватаясь за ручку чемодана. — Чё ты меня грузишь? Мне и так хреново! Меня люди ищут! Кстати... — он замялся, отведя взгляд в сторону окна. — Насчет хаты. Хозяин завтра придет. Я за аренду не платил три месяца. Депозит он не вернет. Так что... тебе надо съехать. Завтра до обеда. Край.

Я стояла и смотрела на него. На этого красивого, ухоженного мужчину с модным андеркатом, которого я считала своим будущим мужем. И вдруг увидела его настоящего.

Это был не бизнесмен. Это был паразит. Пустышка в брендовой обертке. «Темщик», который вечно искал легких денег, потому что работать по-настоящему ему было «запад-

ло».

Весь наш «успешный успех», все эти ужины в White Rabbit, разговоры о высоком, планы на будущее — всё это было декорацией. Фальшивкой. Такой же, как пластиковые цветы на дешевой свадьбе в столовой ДК.

— Ты украл мои деньги, — сказала я. Не спросила. Утвердила. — Ты украл мои деньги, повесил на меня кредит за машину, не платил за квартиру и теперь сбегаешь, оставляя меня на улице?

— Не драматизируй! — рявкнул он, толкая меня плечом, чтобы пройти к выходу. — Заработаешь еще! Ты ж у нас профи! Всё, Алин, мне пора. Такси ждет. Не поминай лихом.

Он прошел мимо. Даже не обнял. Даже не посмотрел.

Я увидела, как из кармана его джинсов торчит розовый уголок чего-то. Я машинально протянула руку и выдернула это.

Резинка для волос. Дешевая, бархатная, кислотно-розовая. С запахом приторно-сладких духов.

Я никогда не ношу такие резинки. И я не пользуюсь сладкими духами.

— Отдай, — он выхватил резинку у меня из рук. — Это... ассистентки.

— Ассистентки по крипте? — спросила я мертвым голосом.

— Типа того. Всё, пока!

Хлопнула тяжелая входная дверь. Щелкнул замок.

Я осталась одна в огромной, чужой квартире, за которую не было уплачено.

Тишина звенела в ушах, как натянутая струна перед разрывом.

Я подошла к окну. Внизу, у сияющего подъезда башни, мигнули фары желтого такси. Вадим сел в машину. Но он был не один. Я увидела, как с переднего сиденья к нему потянулась тонкая женская рука. Блондинка. Та самая «ассистентка», про которую он говорил, что она «просто шарит в блокчейне».

Меня накрыло.

Не слезами. Тошнотой.

Я побежала в ванную, упала на колени перед унитазом, и меня вывернуло. Весь этот день, весь этот год, вся эта ложь выходили из меня спазмами. Мой идеальный организм, привыкший к смузи и витаминам, отторгал реальность.

Когда я умылась, в зеркале на меня смотрела незнакомка. Тушь Tom Ford размазалась черными кругами, делая меня

похожей на панду-наркоманку. Идеальная укладка превратилась в воронье гнездо.

«Контрол-фрик», говоришь? Ты ничего не контролировала, Алина. Ты просто удобно закрывала глаза, пока тебя грабили. Грабили не только на деньги — на время, на эмоции, на жизнь.

Я не могла здесь оставаться. Ни минуты. Этот кондиционированный воздух был отравлен его ложью.

Я выбежала в спальню, вытащила из шкафа свой чемодан — старый, проверенный Samsonite, никаких подделок. Я бросала туда вещи хаотично, нарушая все свои принципы организации пространства. Ноутбук, зарядки, белье, пару теплых свитеров, документы.

Плевать на платья. Плевать на коллекцию туфель. Плевать на всё.

Я вылетела из подъезда под проливной дождь. Охранник в лобби Сити посмотрел на меня с вежливым удивлением — не каждый день видишь жильцов элитных апартаментов, бегущих с одним чемоданом и размазанной тушью в час ночи.

Я села в свою машину. Руки тряслись так, что я с третьей попытки попала пальцем в кнопку «Start».

Куда ехать?

К родителям в Тулу? Исключено. Признать поражение? Сказать маме: «Ты была права, он мудак, а я дура»? Никогда. Я лучше буду ночевать в машине.

В отель? Я потянулась к телефону, чтобы забронировать номер.

На экране высветилось уведомление от банка.

«Попытка списания: 45 000 руб. Недостаточно средств».

«Попытка списания: 10 000 руб. Недостаточно средств».
Он пытался снять остатки. Тварь. Он знал все пароли.

Я судорожно открыла приложение, чтобы заблокировать карты. Пальцы скользили по мокрому экрану.

— Давай же, грузись! — крикнула я телефону.
Я нажала на газ. Мне нужно было движение. Статика убивала.

Дождь лупил по лобовому стеклу сплошной стеной, дворники не справлялись. Город превратился в размытое, агрессивное пятно. Я ехала по набережной Яузы, не разбирая дороги. Слезы застилали глаза, смешиваясь с огнями встреч-

ных фар.

— Ненавижу, — шептала я, сжимая руль до побеления костяшек. — Ненавижу тебя. Ненавижу себя. Ненавижу этот город.

В голове крутилась одна мысль: «У меня ничего нет. Мне двадцать девять лет, я лучший организатор свадеб в Москве, и я — бомж».

Телефон на пассажирском сиденье снова звякнул.

Я отвлеклась всего на секунду. Чтобы посмотреть, не списались ли последние деньги.

Всего одна секунда.

Впереди, в пелене дождя, резко вспыхнули красные стоп-сигналы. Огромные, как глаза дьявола.

Я ударила по тормозам.

Но мокрый асфальт, присыпанный первыми заморозками — это каток. АБС застрекотала, педаль забилась под ногой, машину повело вбок.

Время растянулось. Я видела, как приближается черный металлический бампер впереди стоящей машины. Я понимала, что не успею.

БАМ!

Звук удара был глухим, скрежещущим и тошнотворным.

Меня дернуло вперед, ремень безопасности больно врезался в ключицу, выбивая воздух из легких. Телефон улетел куда-то под сиденье.

Тишина.

Только шум дождя и шипение пара, поднимающегося от моего капота.

Я сидела, вцепившись в руль, и боялась дышать.

«Только не это. Пожалуйста, только не это. У меня нет страховки КАСКО, я не продлила её в прошлом месяце, потому что Вадим сказал "не трать бабки, сейчас перекрутимся". У меня нет денег на ремонт. У меня нет сил на разборки».

Дверь водителя впереди стоящей машины открылась.

Это был не просто внедорожник. Это был огромный, старый, угловатый Land Rover Defender, похожий на танк. Черный, матовый, весь в каких-то наклейках экспедиций. По сравнению с ним моя «Ауди» казалась игрушечной машинкой из «Киндер-сюрприза».

Из танка вышел мужчина.

Высокий. Очень высокий. В темной парке, но капюшон он не надел, подставляя лицо ледяному дождю. Он шел к

моей машине медленно, тяжело ступая ботинками по лужам. Я видела, как он хмурится.

Я опустила стекло. Механизм жалобно скрипнул.

В салон ворвался запах холодной речной воды, выхлопных газов и... чего-то древесного. Стружки? Смолы?

Мужчина наклонился к моему окну.

У него были темные, почти черные глаза, глубоко посаженные и усталые. Трехдневная щетина, жесткая даже на вид. На скуле — темное пятно, похожее на машинное масло или морилку.

Он выглядел как скала, о которую только что разбилась моя хрупкая шлюпка. Спокойный, мрачный и пугающе огромный.

— Девушка, — голос у него был низкий, с хрипотцой. Не кричал. Говорил ровно, что пугало еще больше. — Вы вообще на дорогу смотрите или в астрале летаете? У меня фаркоп стальной, а у вас... — он кивнул на мой капот, который сложился домиком. — У вас проблемы.

Я открыла рот, чтобы извиниться. Чтобы включить свой профессиональный тон «решателя проблем». Чтобы сказать что-то про дистанцию, про гололед, про то, что у меня был тяжелый день.

Но вместо слов из горла вырвался всхлип.

Потом еще один.

И я разрыдалась.

Громко, уродливо, навзрыд. Как маленькая девочка, у которой отобрали мороженое и бросили в грязь. Я рыдала о деньгах, о Вадиме, о квартире, о своей глупости, о разбитой фаре, о том, что мне холодно и одиноко.

Мужчина замолчал. Его густые брови поползли вверх. Он явно ожидал скандала, криков «ты сам виноват», угроз звонком «папику» или истерики в стиле «я вас засужу».

Но он не ожидал этого потока чистого, беспримесного отчаяния.

Он посмотрел на мой разбитый нос машины, из под которого уже текла радужная лужа антифриза. Потом снова на мое перекошенное лицо, на черные потеки туши на щеках.

Тяжело вздохнул. Потер переносицу грязными пальцами.

— Так, — сказал он, и в этом «так» не было угрозы. Скорее, усталая обреченность человека, который нашел на пороге мокрого котенка. — Глуши мотор. Выходи.

— Зачем? — пропищала я сквозь слезы, размазывая тушь по лицу. — Вы меня бить будете?

Уголок его губ дернулся в усмешке. Не злой, а какой-то...

ироничной.

— Ага. Сейчас только монтировку достану и начнем. Выходи, говорю. У тебя радиатор пробит. Сейчас движок клинанет, и будешь ночевать здесь. А тут, поверь мне, не Патрики. Тут волки воют и хипстеры не ходят.

Я посмотрела вокруг.

Мы стояли в каком-то глухом переулке возле Сыромятнической набережной. Вокруг — старые кирпичные здания промзоны, темные провалы окон, граффити на заборах. Ни души. Только дождь, я, моя разбитая жизнь и этот огромный мужик, пахнущий лесом и опасностью.

Я заглушила мотор. Машина дернулась и затихла.

Это был конец. Мой идеальный мир не просто рухнул. Он сгорел, а пепел намок под московским дождем.

Я открыла дверь и вышла, сразу наступив в глубокую ледяную лужу своими замшевыми лоферами Loro Piana. Вода мгновенно пропитала тонкую кожу.

Мужчина посмотрел на мои ноги, потом мне в глаза. В его взгляде читалась смесь жалости и раздражения.

— Ну, здравствуй, катастрофа, — сказал он. — Меня Глеб зовут.

И почему-то от этого простого, твердого «Глеб» мне стало

еще страшнее. Потому что я поняла: этот бесконечный вечер только начинается.

ГЛАВА 2. Запах стружки и кофе

— Вызывать ГАИ будем? — спросил Глеб.

Я стояла под дождем, обхватив себя руками, и смотрела на то, как пар поднимается от смятого капота моей «Ауди». Вопрос прозвучал как приговор. ГАИ — это протокол. Это штраф. Это выяснение отношений со страховой, которой у меня нет. Это часы ожидания в ледяной машине.

— Не надо, — стуча зубами, выдавила я. — Пожалуйста. У меня... у меня нет времени.

Глеб хмыкнул. Он обошел мою машину, пнул колесо (зачем мужики всегда пинают колеса?), присел на корточки, заглядывая под бампер.

— Радиатор пробит. Бампер под замену. Капот, возможно, вытянем, но замок точно сдох. Ты никуда не уедешь, катастрофа.

— Я вызову эвакуатор, — я потянулась за телефоном, прекрасно зная, что на карте минус, а наличных у меня нет даже на кофе.

— Ага. Ждать будешь часа два. В пятницу ночью, в дождь? Удачи.

Он выпрямился, отряхнул руки. В свете уличного фонаря я увидела, какие они огромные. Широкие ладони, длин-

ные пальцы, перепачканные чем-то темным. Руки рабочего человека. В моем мире у мужчин были мягкие ладони, пахнущие кремом для рук Jo Malone.

— Садись за руль, — скомандовал он.

— Что?

— Садись, говорю. Тут ехать триста метров. Я тебя на трос возьму. Моя берлога за углом, на территории завода. Там разберемся. Или ты хочешь здесь воспаление легких заработать?

У меня не было сил спорить. Я была мокрой, жалкой и абсолютно раздавленной. Я кивнула и послушно забралась в ледяной салон своей машины.

Через минуту я почувствовала рывок. Моя бедная, искалеченная «Ауди» дернулась и покорно поползла за огромным черным «Дефендером», как побитая собачонка за вожаком стаи.

Мы свернули в арку старого кирпичного здания. Это был тот самый «ржавый пояс» Москвы — бывшие мануфактуры, которые сейчас переделывали под лофты, офисы и хипстерские кофейни. Но этот двор выглядел негламурным. Здесь не было вывесок смузи-баров. Здесь были горы паллет, какие-то железные балки и темные окна цехов.

Глеб остановился у высоких металлических ворот, вышел, с лязгом распахнул их и махнул мне рукой. Мы закатились внутрь.

Когда я вышла из машины, меня накрыло запахом.

Это был не запах гаража с его бензином и грязью.

Пахло деревом. Свежим спилом сосны, благородным дубом, сладковатым можжевельником. Пахло лаком, пчелиным воском и чем-то неуловимо уютным, похожим на старые книги.

Я огляделась.

Мы находились в огромном помещении с потолками метров пять. Стены из красного кирпича, старые чугунные колонны. Повсюду стояла мебель. Но не та, что продается в IKEA. Это были скелеты старинных кресел, массивные дубовые столы с резными ножками, какие-то комоды, с которых свисала стружка.

В углу гудел огромный станок. Под потолком висели лампы в металлических абажурах, заливая всё теплым желтым светом.

Это был хаос.

Для меня, человека, у которого трусы в ящике разложены по градиенту от белого к черному, это был ад. Стружка на полу, банки с краской на столах, инструменты, разбросанные где попало.

Но почему-то этот хаос казался... живым.

— Добро пожаловать в Нарнию, — буркнул Глеб, отцепляя трос. Он скинул капюшон, и я наконец рассмотрела его лицо при нормальном свете.

Ему было за тридцать. Темные волосы, коротко стриженные, но уже отросшие, падали на лоб. Глубокие морщины у глаз — то ли от смеха, то ли от того, что он часто щурился. И взгляд. Спокойный, сканирующий. Он смотрел на меня не как на женщину, а как на сломанный стул, прикидывая, стоит ли реставрировать или проще выбросить.

— Чемодан доставай, — сказал он.

— Зачем?

— Ты вся мокрая. Дрожишь так, что у меня верстаки вибрируют. Переодеться надо.

Я вспомнила про свой Samsonite в багажнике.

— У меня... замок багажника, наверное, заклинило.

Глеб подошел к задней части машины. Дернул ручку. Ничего.

Он хмыкнул, достал из кармана какую-то железку, поковырялся в замке, нажал в определенной точке — и крышка багажника щелкнула.

— Магия, — прокомментировал он, доставая мой чемодан. Он поднял его одной рукой, словно тот был набит пухом, а не всей моей жизнью.

— Идем наверх. Там жилая зона.

Мы поднялись по винтовой металлической лестнице на антресоль.

Здесь было чище. Потертый кожаный диван «Честерфилд» (оригинал, отметила я профессиональным взглядом, причем винтажный), стеллажи с книгами до потолка, небольшая кухня с медной туркой на плите. На полу лежал ковер — старый, персидский, потертый, но безумно красивый.

— Ванная там, — он кивнул на дверь из матового стекла. — Полотенца на полке. Горячая вода есть, бойлер я включил. Иди, грейся. А то у тебя губы синие. Не в моем вкусе.

Я хотела огрызнуться. Сказать, что мне плевать на его вкус. Но вместо этого я просто кивнула и поплелась в ванную.

В зеркале я увидела чудовище.

Мокрые волосы висели сосульками. Тушь превратила меня в солиста блэк-метал группы. Бежевый жакет был в пятнах грязи.

Я стянула с себя мокрую одежду. Она шлепнулась на пол

тяжелой кучей.

Встала под горячий душ.

Вода била по плечам, смывая холод, но не смывая страх. Я закрыла глаза и прижалась лбом к кафелю.

«Что я делаю? Я в промзоне, в мастерской у незнакомого мужика, который мог бы быть маньяком. Моя машина разбита. Мой жених сбежал с моими деньгами. Я — ноль».

Я стояла так минут двадцать, пока кожа не покраснела.

Вышла, замотавшись в огромное махровое полотенце. Оно пахло порошком и тем же деревом.

И тут я поняла, что забыла взять чистую одежду из чемодана. Чемодан остался внизу, у лестницы.

Выйти голой? Исключено. Надеть грязное и мокрое? Брр.

Я приоткрыла дверь.

— Глеб?

Тишина.

Я выглянула. На столике у дивана стояла дымящаяся кружка. Рядом лежала стопка одежды.

— Я тебе там рубашку положил и штаны спортивные, — донесся его голос снизу, из мастерской. — Твои вещи в стирку кину, не парься.

Я схватила одежду и юркнула обратно.

Рубашка была фланелевая, в красно-черную клетку. Огромная. На мне она смотрелась как платье. Штаны пришлось подворачивать три раза, и затягивать шнурок на талии так, что он чуть не лопнул.

Я утонула в его вещах. И, черт возьми, это было самое уютное ощущение за последние годы. Никаких корсетов, никаких утягивающих колготок. Просто мягкая, застиранная ткань.

Я вышла из ванной.

Глеб сидел на диване, вытянув длинные ноги в джинсах. Он что-то чертил в блокноте карандашом.

Увидев меня, он отложил блокнот. Прошелся взглядом с ног до головы.

— Ну вот. Теперь похожа на человека, а не на утопленницу. Садись. Чай пей.

Я села на край дивана, как можно дальше от него. Взяла

кружку. Она была горячей, тяжелой, керамической.

Сделала глоток.

Это был не чай из пакетика. Это был крепкий черный чай с чабрецом и, кажется, мятой. Сладкий. Я не пью чай с сахаром уже пять лет (калории!), но сейчас этот сахар показался мне амброзией. Тепло разлилось по венам, разжимая ледяные тиски внутри.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— На здоровье.

Он смотрел на меня. Не навязчиво, а просто... внимательно.

— Ну, рассказывай, катастрофа. От кого бежала с чемоданом на ночь глядя? Мужа убила и труп в багажнике прятала?

Я нервно усмехнулась.

— Почти. Муж... то есть жених... он...

Слова застряли в горле. Как сказать этому спокойному, уверенному мужчине, что меня кинули как последнюю дуру? Что я, которая учит других жить, сама оказалась на дне?

— Он уехал, — выдавила я. — В командировку. А я... я переезжаю. Квартиру затопило.

Ложь была такой жалкой, что повисла в воздухе, как фальшивая нота.

Глеб прищурился. Взял со стола яблоко, подбросил его в руке.

— Квартиру затопило, ага. И ты решила переезжать в два часа ночи, в ливень, на нервах. С одним чемоданом. В котором, судя по весу, кирпичи.

— Там не кирпичи. Там... жизнь.

Он хрустнул яблоком.

— Ладно. Не хочешь — не говори. Твое дело. Но вид у тебя такой, будто ты только что узнала, что Деда Мороза не существует.

— Его не существует, — огрызнулась я. — Существуют только мудаки и кредиты.

Глеб рассмеялся. Смех у него был низкий, грудной.

— Во, зубы показала. Значит, жить будешь.

Он встал, подошел к окну, за которым барабанил дождь.

— Машину твою я завтра посмотрю детально. Но сразу говорю: запчасти сейчас достать — тот еще квест. Особенно на немцев. Придется искать доноров.

— У меня нет денег, — выпалила я. Лучше сразу сорвать пластырь. — Карты заблокированы. Налички нет. Я не смогу заплатить за ремонт.

Он повернулся. Лицо стало серьезным.

— Я просил денег?

— Нет, но... вы же не благотворительный фонд.

— Не фонд. Но и не коллектор. Поживешь пока здесь. Диван раскладывается. Утром решим, что делать с твоей «Ауди» и твоей «затопленной квартирой».

— Я не могу здесь жить! — возмутилась я, оглядывая пространство. — Это... это мастерская! Тут пыльно! Тут нет условий!

— Условия: крыша, тепло, чай, диван. — Он начал загибать пальцы. — По-моему, лучше, чем в разбитой тачке на набережной. Или у тебя есть варианты? Подруги? Родня?

Я вспомнила «подруг». Светские львицы, с которыми мы пили просекко на открытиях выставок. Кому из них я могу позвонить в три ночи и сказать: «Я бомж»? Никому. Они посочувствуют, а завтра вся Москва будет знать, что «идеальная Алина» облажалась.

Я опустила голову.

— Вариантов нет.

— Ну вот и договорились.

Он подошел к шкафу, достал плед — шерстяной, в клетку, под стать рубашке. Бросил мне.

— Ложись. Я внизу, в каморке посплю. Там раскладушка есть.

— Глеб, — я посмотрела на него снизу вверх. — Почему вы... ты мне помогаешь? Я же разбила твою машину.

Он пожал плечами.

— У меня бампер силовой, из стали тройки. Ему пофиг. Краску только поцарапала. А вот ты выглядела так, будто сейчас выйдешь в окно. А я не люблю, когда у меня под колесами красивые девушки умирают. Плохая примета.

Он направился к лестнице.

— Спи. Дверь я запру. Сюда никто не войдет.

Он спустился вниз. Я слышала, как он ходит, что-то перекладывает, потом щелкнул выключатель, и основной свет в цеху погас. Осталась только маленькая лампа на моем этаже.

Я забралась под плед. Он был колючим, но теплым.

Диван пах кожей и табаком.

Я лежала и слушала звуки старого здания. Где-то капала вода, скрипели балки, шумел ветер за окнами.

В моей квартире в Сити была идеальная звукоизоляция. Там была мертвая тишина.

А здесь дом дышал.

Я достала телефон. 3% зарядки.

Одно сообщение от Вадима в мессенджере.

«Алин, не дури. Ключи оставь консьержу. И не ищи меня, ради бога. Сама виновата, надо было меньше тратить. Целую».

Я смотрела на эти строчки, пока они не расплылись.

«Сама виновата».

Гнев, горячий и яростный, поднялся внутри.

— Ну уж нет, — прошептала я в темноту. — Хрен тебе, Вадим. Я тебе такой счет выставлю, что ты охренеешь.

Я выключила телефон.

Глаза слипались. Тело, наконец согревшись, обмякло.

Последнее, что я помнила перед тем, как провалиться в сон, — это запах древесной стружки и ощущение безопасности. Странной, неправильной, но безопасности.

Внизу, в темноте мастерской, Глеб тихо насвистывал какую-то мелодию. Кажется, это был джаз.

Моя идеальная жизнь закончилась.

Началась какая-то другая. И она пахла опилками.

ГЛАВА 3. Бартер на выживание

Утро пахло не свежими круассанами из «Волконского» и не лавандовым рафом.

Оно пахло растворителем, пылью и жареной яичницей.

Я открыла глаза и несколько

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.